
ФОЛЬКЛОРИСТИКА

МИФОЛОГИЯ ЭПОСА

УДК 398.2 (=152.153)
DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-184-195

Образ птиц *кыйгылык* в эпосе шорцев

Л. Н. Арбачакова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

На примерах шорских героических сказаний, записанных Н. П. Дыренковой и Л. Н. Арбачаковой, рассматривается образ мифических Старшой-Младшей золотых птиц *кыйгылык* – Улуг-Кичиг алтын қыйгылык. Целью статьи является характеристика образов птиц *кыйгылык* в эпосе шорцев в сравнении с образами мифических птиц других тюркских народов Сибири. Птицы *кыйгылык* имеют сверкающие перья, пронзительно кричат, предстают в парной ипостаси, могут свободно пересекать границы миров. Их основными функциями являются предвестие смерти эпического героя (печальный крик служит вестью о гибели) и доставка тел умерших в иной мир к месту погребения или к творцу-чайачы для оживления.

Ключевые слова

шорское героическое сказание, Старшая-Младшая золотые птицы *кыйгылык*, мифическая птица, фольклористика

Для цитирования

Арбачакова Л. Н. Образ птиц *кыйгылык* в эпосе шорцев // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 184–195. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-184-195

The image of the *kyiglyk* birds in Shor epic poetry

L. N. Arbachakova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The mythological image of the elder-younger golden *kyiglyk* birds (*Ulug-kichig altyn kyiglyk*) is a recurring yet understudied motif in Shor heroic tales. This paper addresses the lack of a comprehensive interpretation of this image in folklore studies and the linguistic challenges of its translation. Based on epic materials recorded by N. P. Dyrenkova and L. N. Arbachakova, transcribed and translated by the author, the study aims to define the morphological characteristics, functions, and symbolic meanings of these birds within Shor folklore. Analysis reveals that *kyiglyk* birds are characterized by iridescent plumage and piercing cries, always appearing as a pair. Residing in the Upper World, they act as liminal beings capable of freely traversing cosmic boundaries. Their primary functions are to foretell the death of an epic hero, their cry serving as an omen, and to transport the deceased to the other world, either to a burial site or to the creator *chayachi* for resurrection. The author critiques previous attempts to identify *kyiglyk* birds with extant avian species (such as eagles, swans, or peacocks), concluding that such biological identifications are groundless. The image apparently incorporates traits of various birds without corresponding clearly to any single one. The *kyiglyk* bird is a unique, untranslatable cosmological concept, with its semantics intrinsically linked to predicting death and facilitating passage to the afterlife.

Keywords:

shor heroic tales, Elder-Younger *Kyiglyk* Golden Birds, mythical bird, folklore studies

© Л. Н. Арбачакова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennnykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

For citation

Arbachakova L. N. Obraz ptits kyjgyllyk v epose shortsev [The image of kyigyllyk birds in Shor epic poetry] *Yazyki i Fol'klor Korennyykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 184–195. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-184-195

Введение

Птицы, являясь частью окружающего мира, хозяйственной деятельности и мировоззрения человека, играют важную роль в фольклоре и мировоззрении шорцев и других тюркских народов Сибири (якутов, тувинцев, алтайцев, хакасов). Образам различных птиц (журавлям, орлам, кукушкам и др.) в традиционных представлениях этих народов посвящен целый ряд исследований. Так, Н. П. Дыренкова в статье «Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири» выделила два комплекса мифов, связанных с птицами: мифы о сотворении земли и мифы о получении огня [Дыренкова 1929: 119]. Она писала, что, по представлениям шорцев, кукушка являлась вестником проснувшейся природы: «С первым криком кукушки просыпаются леса, горы, реки. Весной, после крика кукушки, шаман совершил первое восхождение к Ульгеню» [Шорский фольклор 1940: 440]. А. И. Чудояков отмечал, что в архаических пластиках лексики шорского языка сохранилось слово *кёökемай* в значении ‘матушка’: «Кукушку называют матерью, матушкой, что ведет к понятию о праматери-кукушке, к тотему» [Чудояков 1995: 135].

В мифологии шорцев *туруна* ‘журавль’ также обладает самыми разными функциями: эта птица может быть тотемным предком для некоторых родов и племен Южной Сибири, культурным героем (она добыла для людей огонь), символом верхнего мира и т. д. По мифологическим представлениям хакасов, *туруна* принадлежит к категории «царских» птиц: хакасы полагали, что в момент смерти душа-тын (букв.: душа-дыхание) взрослого человека отрывалась и, превратившись в журавля, улетала в страну мертвых (*үзүт чирі*) [Бурнаков 2012: 87].

Наряду с реальными птицами, в традиционной культуре шорского и других тюркских народов встречаются и чудесные мифические птицы, которым приписываются сверхъестественные свойства и которые не имеют прямых аналогов в реальном мире.

Шорские загадочные мифические птицы *Улуг-Кичиг алтын қыйғылық* ‘Старшая-Младшая золотые кыйғылық’ до сих пор слабо изучены, хотя образ этих птиц привлекал внимание исследователей шорского фольклора и языка: В. И. Вербицкого [Вербицкий 1884], Н. П. Дыренковой [Шорский фольклор 1940], Д. А. Функа [Функ 1999] и Л. Н. Арбачаковой [Сказания шорского кайчи 2015]. Эти птицы встречаются в героических сказаниях, опубликованных Н. П. Дыренковой, а также в эпических текстах в исполнении современных сказителей.

Актуальность данной статьи определяется отсутствием в научной литературе общепринятой трактовки образа птиц *кыйғылық*, а также сложностью перевода на русский язык слова, обозначающего этих птиц.

Целью статьи является описание образа мифических птиц *Улуг-кичиг алтын қыйғылық* ‘Старшей-Младшей золотых птиц кыйғылық’ на основе сказаний, расшифрованных и переведенных автором статьи, а также опубликованных фольклорных материалов. Наше исследование базируется на образцах героического эпоса, записанных Н. П. Дыренковой и Л. Н. Арбачаковой. Кроме того, в исследовании используются словари [Вербицкий 1884; Курпешко-Таннагашева 1994] и материалы по фольклору тюркских, восточнославянских и других народов.

1. Образ птиц *кыйғылық* в шорском фольклоре

Первым исследователем, который обратил внимание на образы этих загадочных птиц в южносибирских тюркских языках, был миссионер В. И. Вербицкий, который считал, что птица *кыйғылық* – это орел. Он также отметил, что, по преданию, «*кыйғылық* всем птицам царь; с золотыми перьями; летает в небе; поет жалобно, – кто услышит, заплачет» [Вербицкий 1884: 159].

В 1940 г. был опубликован миф про птицу *кыйғылық* в записи Н. П. Дыренковой: «Кто голос той птицы услышит, тот [человек] долго не живет. Один человек, ходя по тайге, лошадь искал. В это время он услышал голос птицы *кыйғылық*. Тот человек очень сильно плакал. Со слезами на глазах домой пришел. После этого долго не жил – умер» [Шорский фольклор 1940: 283]. В этом мифе есть также краткое описание внешнего вида этой птицы: «Когда птица *кан-кыйғылық* ночью летает – перья ее сверкают, когда она поет, кто пение ее слышит – плачет» [Там же].

Образ мифической птицы *кыйгылық* встречается также в шорских героических сказаниях, однако ни у сказителей, ни у исследователей шорского фольклора нет точного представления о внешнем облике и функциях этой сказочной птицы.

В дальнейшем изложении мы представим и проанализируем материал, в котором фигурируют образы этих птиц, а также выделим, насколько это возможно, их основные морфологические и функциональные черты и особенности.

Анализируемый материал был собран Н. П. Дыренковой и Л. Н. Арбачаковой в процессе записи шорских эпических сказаний и интервьюирования сказителей¹.

1.1. Представления о внешнем виде *кыйгылық*

В 1999 г. мы записали героическое сказание «Күннү көрген Күн Кёök» ‘Солнце увидевшая Кюн Кёк’ от сказителя В. Е. Таннагашева (1932 г. р.). По его словам, *кыйгылық* – красивая птица, похожая на павлина или на Жар-птицу.

Действительно, по описанию внешнего вида *кыйгылық* в фольклоре (*ночью летает – первья ее сверкают* [Шорский фольклор 1940: 283]), она напоминает Жар-птицу в русском фольклоре, которая ночью «...источает такой свет, как тысяча огней; одно перо из ее хвоста в темной комнате может заменить любое освещение» [Иванова-Казас 2006: 136]. Возможно, благодаря такой ассоциации сказители используют при наречении *кыйгылық* качественный эпитет *алтын* ‘золотой’: Улуг-Кичиг алтын *кыйгылық* ‘Старшая-Младшая золотые птицы *кыйгылық*’. Появление постоянного эпитета *алтын* ‘золотой’ характерно для современных кайчи, например В. Е. Таннагашева. Н. П. Дыренкова характеризует внешний вид птиц *кыйгылық* как сверкающий, однако в сказаниях, опубликованных ею в книге «Шорский фольклор», этот эпитет не встречается. В приведенных примерах данный эпитет использован только в текстах В. Е. Таннагашева.

1.2. Парность

В шорских эпических произведениях эта птица появляется не одна, а в паре со своей сестрой (братьем?) улуг-кичиг ‘старшая-младшая’ птицы *кыйгылық*. Эпитеты улуг-кичиг ‘старшая-младшая / старший-младший’ являются традиционными для описания двух братьев, двух богатырских коней, двух женщин, выполняющих, как правило, в эпосе одну и ту же роль (роль двух жен, двух братьев и т. д.). Появление двух братьев-алыпов², например при описании сражения, усиливает их мощь, оказывает на противников устрашающее воздействие; они верные помощники друг другу. В сказании «Ак Кан» герой имеет двух жен, именуемых одинаково: «Чтобы их можно было как-то различать, сказитель добавляет уточняющий эпитет: Улуг-Кичиг Алтын Сабак ‘Старшая-Младшая Алтын Сабак’» [Фольклор шорцев 2010: 25].

1.3. Пение птиц

О появлении этих птиц возвещает их пронзительный печальный крик: «Старшая и Младшая Золотые *кыйгылыки* / С криком летят» [Сказания шорского кайчи 2015: 102–103]. Носители шорского языка связывают название сказочных птиц *кыйгылық* в эпосе со словом қыйғы ‘крик’. Аффикс -лық образует существительные от именных основ, то есть имя можно перевести как ‘крикун, вещун’ (ср. глагол қыйғыралрә ‘кричать, вещать’ от основы қыйғы). Мы также отмечали ранее, что, видимо, основным признаком, положенным в наименование этой чудесной птицы, является ее способность «жалобно петь, принося печальную весть» [Есипова, Арбачакова 2009: 91].

2. Функции птицы *кыйгылық*

2.1. Предвестник смерти

С пением птиц *кыйгылық* связана одна из их функций в эпосе – предвещать кончину эпического героя. Мы предполагаем, что в шорском фольклоре их пение связывается со скорой смертью одного из близких людей. Когда птицы *кыйгылық* появляются в мире людей, то люди начинают плакать [Шорский фольклор 1940: 283], так как, возможно, они знают, что появление этой

¹ В примерах из собрания шорского фольклора Н. П. Дыренковой [Шорский фольклор 1940] текст на латинице транслитерирован в кириллицу, в тексты и переводы при необходимости внесены уточнения.

² Алып в тюркской мифологии – богатырь, герой.

птицы означает чью-либо гибель. В эпосе они появляются только в тех местах, где кто-то должен умереть. Соответственно, одна из функций птиц *кыйгылык* – своим пением приносить весть о чьей-то гибели. В этом смысле можно сопоставить птиц *кыйгылык* и хакасскую кукушку. В. А. Бурнаков пишет: «В мифопоэтической традиции хакасов кукушка не только извещает о смерти, но и отмечает место будущего захоронения. Так, например, эта птица указывает эпической героине *Ай-Хучин* местонахождение ее родовой усыпальницы» [Бурнаков 2008: 306].

В сказании «Со златогривым светло-серым конем Алтын Тайчы» парные птицы *кыйгылык* пролетают над местом, где в ходе богатырского боя погибнет один из богатырей: *Үстүнгүзө четтон тегри ўстүбе / Улуг алтын қыйгылық парыбысты. / Алтынгызы четтон там чер алтыба / Кичиг алтын қыйгылық* ‘По верху семидесяти небес / Старшая золотая птица *кыйгылык* пролетела. / Внизу за пределами семидесяти земель / Младшая золотая птица *кыйгылык* пролетела’³. Они пролетели по Верхнему и Нижнему мирам, чтобы сообщить альпам Среднего мира о гибели одного из них.

Таким образом, когда птицы предвещают гибель богатыря, то они летят порознь, старшая – по верхнему миру, младшая – по нижнему миру (*четтон там чер алтыба* ‘под семьюдесятью слоями земли’).

В сказании «Ак Кан» в записи Н. П. Дыренковой говорится о Старухе Покай Сарыг, посетившей землю погибшего Аба Кулака: *Аба Қулақ черинге чедип, алтын ѡрге кире пазып одурапы чўп алышины, – ноо пулук черде по тегринең ўстүбе улуг-кичиг қан қыйгылық қуши кёглеп парбыстылар. Улуг кичиг қыйгылық қуши туң ўнү алтын шаңче шабылча, қола пыргы шени татыл-қалды* ‘До земли Аба Кулака доехала лишь, только успела в золотой дворец войти, в самом отдаленном углу земли, наверху этого неба великая и малая птицы *кыйгылыки* запели. Голоса птиц, великой и малой, как золотые колокола зазвенели, как трубы (шор. қола ‘бронзовые’ не переведено – Л. А.) из желтой меди зазвучали’ [Шорский фольклор 1940: 228–229]. Старуха Покай Сарыг, когда входила во дворец погибшего Аба Кулака и услышала пение птиц *кыйгылык*, поняла, что опоздала.

2.2. Доставка умерших в другой мир

В 1995 г. от М. К. Каучакова мы записали отрывок сказания «Кан Эргек», где встречается образ птиц *кыйгылык*. Здесь мифические птицы выполняют роль не только предвестников смерти человека (в данном случае – матери героини), они должны также доставить покойницу к месту погребения и похоронить ее. Птицам известно имя и место смерти умирающего, они заранее прибывают к этому месту и остаются на ночь недалеко от него, извещая людей о своем прибытии криками.

Дочь женщины, услышав крики птиц *кыйгылык*, догадывается, что они прибыли за ее матерью, и просит их похоронить ее в конкретном месте, на краю золотой горы, имеющей девяносто перевалов: *Алтын Арыг анаң уққаны / Ноо ла пулук черде / Улуг-кичиг / Қыйғыл қуши туң ўннери шак / Қаңрактары шакпеде кел угулушты* ‘Алтын Арыг услышала голоса мифических птиц *кыйгылык*, / Неведомо на каком месте голоса / Старшей-Младшей птиц *кыйгылык* / вот послышались, / Крылья рядом прошелестели’. Дочь понимает: раз они прилетели, значит, в доме будет покойник; она догадывается, что они прилетели за телом ее матери, поэтому она обращается к птицам с просьбой: *Эзе, қыйғылық қушитарым, – тедир, – / Ай Арыг ичемни, – тедир, – / Төгөзөн аиқымның / Алтын тайга қырынга ашиыгоқ – тедир. – / Минде кел чыын көрар* ‘Эзе, птицы *кыйгылык*, – сказала, – / Мою мать Ай Арыг, – сказала, – / На край золотой горы, / Имеющей девяносто перевалов, подняв, – сказала, – / Там похороните’⁴. В данном сказании функции птиц *кыйгылык* – это оповещение о смерти, доставка умершего на место захоронения и его погребение.

³ «С златогривым светло-серым конем Алтын Тайчы» («Алтын чаллығ ақ қыр аттығ Алтын Тайчы»). Зап. в 1998 г. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева. Расшифровка текста Л. Н. Арбачаковой (рукопись, 77 с.). Фоноархив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

⁴ Сказание «Кан Эргек» («Қаан Эргек»), фрагмент. Зап. в 1995 г. Л. Н. Арбачаковой от М. К. Каучакова. Личный архив Л. Н. Арбачаковой (рукопись).

Интересно, что они, с одной стороны, уносят умерших в другой мир, с другой – помогают богатырям шорских сказаний, выступают их союзниками.

В сказании «Солнце увидевшая Кюн Кёк» Старшая-Младшая птицы с криком появляются в сорока небесах: Улуг-Кичиг Алтын Қыйғылықтың јстүнгө / Алтын қарчақ сал-салтыр. / Қыйғлаш-келип, учук-келип, / Күннү көрген Күн Кёөктиң қыйзынча чалбай-кел одурубуза-бердилер. / Анаң көрб-одурғаны: Күн Кёөк печези, / Чатчыган Күн Кёөк печезин, / Кёдүрүл-келип,

алтын қарчаққа қабыл-кел салыл-парды ‘Старшая и Младшая Кыйгылыки⁵ / На себе золотой гроб несут, оказывается. / С криком прилетев, / Рядом с Кюн Кёк, / Расправив крылья, спустились. / Затем Ай Толай видит: Лежащую Кюн Кёк, сестру его, / Приподняв, в золотой гроб положили’ [Сказания шорского кайчи 2015: 102–103].

Птицы, унесшие на своих крыльях гроб с девушкой, постоянно вещают Ай Толаю (брату девушки) с небес о том, чтобы он непременно догнал их: Пашқа чарыққа киргенче, сүр-кел чедиб-алзаң, / Күннү көрген Күн Кёөк, печенниң / Арыг тыны қалар, / По черге айланар, – тен, қыйғылашталар. / Тебир сынга ажыбыссабыс, / Пашқа чарыққа кирибиссебис, / Ада чаиқа айланмас! – тен-келип, / Қыйғлаш-келип, учук шығыбыстылар ‘Пока не вошли в другой мир, догонишь, / Чистая душа Кюн Кёк, твоей сестры, / Ее не покинет, / В эту землю она вернется, – так кричат. / Если железный хребет перевалим / И в другой мир войдем – Вовек уже не вернется!’ [Сказания шорского кайчи 2015: 102–103].

Волшебные птицы, забравшие сестру Ай Толая, сообщают ему четырежды о своей печали, постоянно напоминая, что уже скоро они перевалят железный хребет, за которым, видимо, находится потусторонний мир: Қыйғаш-келип, тебир сынга теби / Қабыл шыға-бердилер. / – Адаң ачың! – тешчалар, / Тебир сынны ажыбыссабыс, / Күннү көрген Күн Кёөк / Ада чаиқа по черге айланмас! ‘Кыйгылыки с криком на железный хребет / Уже поднимаются. / – Горе отцу моему! – говорят, – / Если перевалим железный хребет – / Солнце увидевшая Кюн Кёк / В эту землю вовек не вернется!’ [Сказания шорского кайчи 2015: 121].

В. Я. Пропп отмечал, что в русских волшебных сказках всегда «среди помощников героя имеется орел или другая птица. Функция птицы всегда только одна – она переносит героя в иное царство» [Пропп 1996: 167].

2.3. Способность преодолевать границы миров

Для традиционного мировоззрения саяно-алтайских народов свойственно представление о трех мирах, составляющих вселенную: Верхнем, Среднем и Нижнем. Однако «в героических сказаниях мы можем встретить упоминания о неких пространствах, находящихся в мирах, которые мы можем назвать переходными и по которым путешествует богатырь» [Арбачакова 2019: 106]. Особым миром являются горы. Там богатыри «проводят значительную часть эпического времени. Этот мир с его горными хозяевами и горными людьми – одна из самых значимых составляющих эпического мироздания» [Функ 2005: 323]. Железная гора «является границей между светлым (земным) миром и потусторонним» [Сказания шорского кайчи 2015: 12]. Птицы *кыйгылык* обладают способностью доставлять погибших в иной, потусторонний мир, расположенный за железным хребтом. При этом сами, видимо, постоянно обитают в Верхнем мире, так как их голоса людям слышатся с небес.

В героическом сказании «Сыбазын-Оолак» творец-чайачы запретил богатырям из солнечного мира переваливать этот хребет: Чагыс Чайачы чайаган, / Күннү чарық алыбы, / Тебир сыны аиkeyлип, / Пашқа чарыққа кирбеске... ‘Единственный Создатель [так] создал, [чтобы] / Солнечного мира алыбы, / Через железный хребет перевалив, / В другой мир не могли зайти’ [Шорский геройческий эпос 2012: 78–79].

Ай Толай, догнав птиц уже на середине железной горы, выхватывает гроб с девушкой: Оң қолун сун-келип, / Алтын қарчықты кел қапты ‘Ай Толай, правую руку вытянув, / Золотой гроб все же схватил!’. На прощание он говорит птицам: Эзе, Улуг-Кичиг алтын қыйгылық – тедир. / Амды учугаар – тедир, – Ноо, парчаң черлериңге параар, – тедир. – / Күн Кёөк печемни черимге аппарчам! ‘Эзе, Старшая и Младшая золотые кыйгылык-птицы. / Теперь летите, Куда

⁵ При цитировании опубликованных текстов наименование птицы *кыйгылык* приводится так, как дано в публикации.

лететь хотели, – сказал. – / Кюн Кёк, сестру, в свою землю я увожу’ [Сказания шорского кайчи 2015: 122–123].

В сказании «Кара Кан» богатырь Алтын Сом во время сражения тоже услышал крики золотых птиц *кыйгылық*, везущих на себе гроб, и сразу догадался, что они прилетели за ним: *Алтын Сом анаң көрб-одурганы: / Ўстүнгөзүй чөттон тегринең ўстүбө / Улуг-кичиг Алтын қыйгылаң қыйглаш-кел, кирдилер. / Ўстүнгө алтын қарчаң салын-салтырлар, / Алтын қарчаң / Чөттон тегри тооза сустат-кел, кирди. / Пурлуши-пурлуши-келип, / Сегизон ашыкымның қаан тайганың төзүнгө кел, / Чаба кел одура кел-түшитилер. / Пону көрген, Алтын Сом сананча: – / Көрзөң, эрте пай-ок / Мага алтын қарчаң чайап-келип, / Түжүргеннер! ‘И видит: / В семидесяти небесах Старшая и Младшая Золотые Птицы *Кыйгылыки*, крича, летят, / На себе золотой гроб несут. / Золотой гроб / В семидесяти небесах сверкает. Кружили-кружили, / У подножия хан-горы / С восемьюдесятью перевалами опустились. / Это увидев, Алтын Сом подумал: – / Смотри-ка, уже с утра / Мне золотой гроб приготовив, / Спустили!’ [Шорские героические сказания 2014: 96–97].*

Поняв, что птицы прилетели за ним, Алтын Сом не стал сопротивляться и вскоре погиб. Птицы *кыйгылық* подобрали тело умершего, положили в гроб и улетели неведомо куда: *Улуг-Кичиг Алтын қыйгылық учуң-келип, / Алтын Сомның қыйгызынга кел, одурубыстылар. / Анаң көрб-одурганы: / Алтын Сомның олген сөгү / Сыны-сайы сынмантыр. / Қабыл-кел, алтын қарчакқа кел чадыбысты. / Анаң артын улуг-кичиг алтын қыйгалық / Кыйглаш-келип, учуң шығыбыза-пердилер. / Ўстүнгөзе қырық тегри ўстүнгө учуң-келип, / Анаң артын қыйглаш-кел, парыбыза-пергеннери. / Қайа пардылар, қайа келдилер?’ Старшая и Младшая Золотые птицы *кыйгылық*, прилетев, / К Алтын Сому опустились. / И видят: / Погибшего Алтын Сома Стан не переломился. / Алыпа, приподняв, в золотой гроб положили. / Тогда Старшая и Младшая золотые *кыйгылыки*, / Подхватив его, крича, полетели. / На верх сорока небес взлетев, / Дальше, крича, полетели. / Куда улетели, куда прилетели?’ [Шорские героические сказания 2014: 100–101].*

Это сказание тоже имеет счастливую концовку, так как оказалось, что птицы доставили гроб с телом Алтын Сома к творцу, который воскресил его: *Улуг-Кичиг Алтын қыйгылаш киргеннерде, / Алтын қарчаң ўстүнгө салын-келип, / Алыпты тудунбас алыппа / Қабышқан полтурғам, – тедир, – / Ол сүрүм алдырыбысқан. / Ақ чарықтаң часқамда, / Алтын қарчақка мени салкелип, / Чагыс Чайачы черинге ашиққаннар. / Чагыс Чайачы черинге шықкамда, / Чагыс Чайачы / Мени қада тиргискен! ‘Старшая и Младшая Золотые Птицы *Кыйгылық* прилетели, / В золотом гробу я оказался. / Алыпом, противников не побеждающим, / В той земле я сражался. / Вот моя душа и покинула меня. / Когда белый свет я покинул, / В золотом гробу меня подняв, / В землю единственного Чайачы они унесли. / Когда в землю единственного Чайачы подняли, / Единственный Чайачы-Творец / Меня воскресил!’ [Шорские героические сказания 2014: 108–109]. В этом сказании старшая сестра Кан Кёк просила Алтын Сома не попадаться в руки Алыпа Маскачака, но тот ослушался и погиб. Оказывается, две золотые птицы *кыйгылық* доставили его тело к творцу-чайачы, чтобы тот его воскресил, то есть они и в данном сказании помогают богатырю.*

Помощь, которую птицы оказывают главному герою, доставив его для оживления, чтобы род алыпа не прервался, напоминает о мифологических птицах иных культур, также помогающих эпическим героям. Так, птица Симург «играет важную роль в иранском эпосе “Шах-наме” Фирдоуси, где она помогает богам и героям. Считается также, что она способна исцелять, и это, возможно, указывает на ее древнее евразийское происхождение, восходящее к мифу об орле, который принес на землю побег Древа жизни с неба или со священной горы» [Стеблова 2002: 28]. Птица Симург, как считает О. М. Иванова-Казас, происходит из древнего Ирана, но хорошо прижилась «в мифологии тюрков. Это бессмертная вещая птица огромных размеров, которая гнездится на ветвях райского Древа Познания» [Иванова-Казас 2006: 132].

Еще раз подчеркнем, что шорские птицы *кыйгылық* выполняют две основные функции: предвещают смерть богатыря и транспортируют тела и души погибших богатырей на место упокоения или оживления. Когда они вещают о скорой смерти, то могут лететь синхронно, но разделившись: одна в верхнем, другая в нижнем мире. Когда нужно перенести умершего в золотом гробу, то они делают это вдвоем, и тогда о них говорят: *Улуг-Кичиг қыйгылық қүш ‘Старшая-Младшая птица *кыйгылық*’*. Только в таком случае становится понятен смысл отрывка из эпоса «Ак Кан» в записи Н. П. Дыренковой: «старуха Покай Сарыг только успела в золотой дворец (Аба Кулака) войти, в самом отдаленном углу земли, наверху этого неба великая и малая птицы

кыйгылык запели» [Шорский фольклор 1940: 228–229]. Это означает, что птицы *кыйгылык* уносят тело богатыря Аба Кулака, хозяина дворца, погибшего на чужбине, и сообщают об этом всем.

3. Проблемы перевода шорского названия птиц *кыйгылык* на русский язык

В комментарии к приведенному выше мифу Н. П. Дыренкова отметила, что «*qyjgulyq* – чудесная птица. Одни шорцы считают, что это лебедь, другие – что это орел или павлин» [Шорский фольклор 1940: 408]. Очевидно, носители шорского языка уже в то время, почти сто лет назад, не могли определиться с тем, какая из реально существующих птиц – орел, лебедь или павлин – подразумевается под птицей *кыйгылык*. В сказании «Ак Кан» Н. П. Дыренкова перевела Улуг кичиг *қыйгылық* қүши как ‘Великая и Малая *кыйгылык* птица’, отказавшись от отождествления их с какой-либо реальной птицей.

В современном шорско-русском словаре для слова *кыйгылық* дается значение ‘павлин’ [Курпешко-Таннагашева 1994: 30]. В примечаниях и комментариях к тексту богатырского сказания «Қаан Оолақ» Қаан *Қыйгылық* также переведено как ‘Хан Павлин’ [Токмашов 2009: 123]. Д. А. Функ переводит слово *кыйгылық* как ‘фламинго’ [Функ 1999: 165]. Возможно, этот перевод опирается на хакасский язык, где подозвучным словом *хысхылык* имеется в виду ‘фламинго’, которого называют птицей счастья, райской птицей. Ее голос «счастливый человек слышит» [Несказочная проза хакасов 2016: 130–131].

В опытах перевода названия птиц *кыйгылық* встречаются варианты с наименованиями четырех реально существующих птиц, которые могут претендовать на роль прототипов чудесной птицы: орел, лебедь, павлин и фламинго.

Можно предположить, что на перевод названия птицы *кыйгылык* ‘орел’ информантами начала прошлого века повлиял тот факт, что в мифологии близкородственных тюркских народов образ орла занимает очень важное место. Так, у алтайцев орел (беркут) выступает «как царь птиц, сверхъестественная птица, обладающая разумом, говорящая и понимающая человеческую речь, тотем и прародительница некоторых родов» [Муйтуева 2018: 29]. В якутском фольклоре орел и другие птицы признаны божествами-покровителями людей [Алексеев 2008: 421–427].

В шорском фольклоре встречается именование рассматриваемой птицы қан-*кыйгылық* ‘Птица-Госпожа, Царь-Птица’ [Шорский фольклор 1940: 408]. Очевидно и морфологическое сходство птицы *кыйгылык* с орлом: и та, и другая – большие по размерам и мощные птицы, способные поднимать немалые тяжести. На этом, однако, сходство их образов заканчивается.

Лебедь для многих тюркских народов Сибири по сей день является священной птицей. Например, шорцы, хакасы и др. запрещали его убивать, так как считали, что лебеди живут парой: «Если убить одного из них, другой проклянет, – нарушивший запрет может поплатиться за это болезнью или даже гибелью» [Алексеев 1980: 215].

У хакасов проводился *хуу той* – праздник по случаю преподнесения в подарок лебедя. Л. П. Потапов писал, что «человек, который получил лебедя, но не мог уже дальше его передать вследствие того, что птица начинала разлагаться, устраивал у себя *хуу той* (лебединый пир)» [Потапов 1959: 24–25]. Л. П. Потапов пришел к выводу, что первоначально лебедя возили в гости с целью «получить в жены дочь дяди по матери, так как женитьба на дочери дяди по матери была в то время обязательной формой брака. Лебедь выступал здесь как тотем, как старший предок, покровитель рода и охранитель традиций» [Потапов 1959: 28].

Помимо сходства по размеру (обе птицы крупные), присутствует также ряд иных параллелей между образом лебедя и образом птицы *кыйгылык*: и те, и другие живут и появляются парами, считаются священными, смерть одного из пары лебедей считается плохим предзнаменованием, как и появление птиц *кыйгылык* и их пение.

Перевод названия птицы *кыйгылык* как ‘павлин’ связан с представлениями о павлине как необыкновенно красивой, а также бессмертной птице. Биолог О. М. Иванова-Казас считает, что «символом бессмертия павлин стал из-за суеверных представлений, что повредить его тело нельзя и что перья павлина по мере его старения обновляются и становятся еще красивее» [Иванова-Казас 2006: 75]. Предполагаемая близость павлинов и птиц *кыйгылык* по величине и пронзительному звучанию голоса, наряду с их мифическим бессмертием, видимо, стали основанием для такого толкования названия птиц *кыйгылык* носителями шорского языка.

В древнетюркских текстах встречается глагол *kidi-* ‘сражаться, уничтожать, разрушать’ [OTWF 1991: 192], который мог быть мотивирующей основой данного слова. Оно может быть

отглагольным образованием с аффиксом долженствовательного причастия на *-guluk*. Этот глагол сопоставим с монгольским *kidi*- ‘сражаться, уничтожать, разрушать’, который в тюркских языках закономерно имеет форму *kidi*- . Это общеалтайский корень, цитируемый М. Рясяненом как **kyud*- ‘атаковать кого-либо, уничтожать’ [VEWT 1969: 261]. Однако образование *kidiguluk* однозначно доказывает, что в древнетюркском языке у этого глагола была конечная гласная, опущенная позже. М. Рясянен также указывает на его параллели в тюркских языках разных исторических эпох и ветвей [VEWT 1969: 261]⁶. *Kidiguluk* в древнетюркском языке дословно означал ‘уничтожение, смерть; тот, кто должен погибнуть’. В шорском языке қыйғылық является его закономерным соответствием, обусловленным историческими законами развития фонетики тюркских языков; в хакасском его аналогом является слово *хысхылык* (см. п. 3.4).

Распространенная этимология шорского слова қыйғылық, связывающая его с қыйғы ‘крик’, видимо, может быть объяснена близким звучанием этих слов. Но слово қыйғы имеет иную этимологию. М. Рясянен возводит его к звукоподражательному корню *kyky* ‘крик’ [VEWT 1969: 261].

Хакасское название фламинго *хысхылык* по своему происхождению и звучанию наиболее близко шорскому қыйғылық. Видимо, поэтому некоторые исследователи шорского языка переводят слово қыйғылық как ‘фламинго’ [Функ 1999: 165]. Эти слова можно возвести к общеалтайскому корню (см. п. 3.3). В хакасском мифе «Почему у ласточки раздвоенный хвост» говорится про *хысхылык хүс* ‘фламинго-птицу’, которую никто не видел, но ее голос «счастливый человек слышит» – улуг таланның кізи исче бе хайдаг [Несказочная проза хакасов 2016: 130–131].

Также хакасы считали, что птица *хысхылык* приносит удачу: например, молодой охотник, поймавший ее, мог жениться на любой (бедной или богатой) девушке. В. Я. Бутанаев приводит примеры устойчивых словосочетаний со словом *хысхылык*: ‘хысхылык той’ – праздник по случаю преподнесения в подарок фламинго; *хысхылыкты ат салза, хысхы абырлан парчалар* – если подстреливали фламинго, то отправлялись сватать девушку; *хысхылык ўлгүзі* – название древнего обычая, согласно которому вместо застреленного фламинго должны были охотнику отдать в жены дочь» [Бутанаев 1999: 203]. В отличие от хакасского фольклора, где эта птица помогает сосватать суженую, в шорском фольклоре птицу қыйғылық устойчиво связывают с вестью о чьей-то гибели.

Однако фламинго у хакасов имеет и некоторое сходство с птицей қыйғылық, поскольку он также связан с символикой и ритуалами смерти. В. Я. Бутанаев отмечал, что «возникновение дней поминок хакасы связывают с почитаемой птицей фламинго (*хысхылык*), одна из супружеской пары которых, согласно мифам, прилетала на место гибели своего спутника в эти дни» [Бутанаев 1996: 160].

В традиционной культуре саяно-алтайских тюрков, по мнению Г. Г. Король, фламинго относится «к птицам из разряда “проклинающих” (наряду с лебедями, журавлями, дрофами), к которым нужно относиться с особым почтением. Увидеть их весной считалось счастьем, а осенью – плохим предзнаменованием» [Король 2015: 49]. Иными словами, образ фламинго у хакасов неоднозначен: эта птица может приносить удачу, но бывает и предвестником несчастья.

Таким образом, нельзя однозначно соотнести птицу қыйғылық с реальными птицами (точнее, с их фольклорными образами), которые упоминались шорскими сказителями, ныне ушедшими из жизни, оставив нам эту загадку. Можно предположить, что образ шорской птицы қыйғылық вобрал в себя представления и образы как реальных, так и мифических птиц разных народов.

Представления о вещих, царских, райских птицах существуют во многих культурах мира. Это тюркская Хумай (Хумо), восточнославянские Гамаюн, Сирин и Алконост, Гаруда в фольклоре народов Центральной Азии и Южной Сибири и мн. др. [Мифологический словарь 1990; Иванова-Казас 2006; и др.].

Заключение

Таким образом, восприятие носителями языка и трактовка учеными образов птиц қыйғылық как соотносимых с реальными (орлом, павлином, лебедем, фламинго), на наш взгляд, являются необоснованными. В шорском фольклоре образ птиц қыйғылық мифичен, они живут

⁶ На взгляды М. Рясянена по поводу происхождения данного корня указала А. В. Дыбо в личной беседе с И. А. Невской, которая поделилась этой информацией с автором статьи.

не в среднем (земном) мире, а, вероятно, в верхнем мире богов. В потусторонний мир (мир мертвых), находящийся за железным хребтом – границей между земным и другим миром, они могут доставлять тела погибших или умирающих. Своими сверкающими, ослепительными перьями они напоминают сказочную Жар-птицу, а также павлина. Эти птицы сообщают людям о чем-то важном, могут спасти уже умершего человека, доставив его в верхний мир к творцу-чайачы. Но основная функция этих птиц – быть предвестником смерти. Они появляются в том месте, где произойдет смерть человека. В эпических сказаниях они появляются, как правило, не по отдельности, а парно: *Улуг-Кичиг алтын қыйғылық* ‘Старшая-Младшая кыйғылық’.

Слово *қыйғылық* относится к очень древнему, исконно тюркскому пласту шорской лексики. Перевод его именем какой-либо реальной птицы невозможен, это слово относится к непереводимым на русский язык понятиям. Смысл и истинная функция этого образа в шорской традиционной культуре до сих пор не получили адекватной интерпретации. Внешние признаки данной птицы уводят исследователя от ее основной роли – предупреждать человека о скорой гибели или оповещать о погибшем.

Список литературы

- Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 318 с.
- Алексеев Н. А. Структура якутских мифов и их взаимодействие с другими жанрами фольклора // Этнография и фольклор народов Сибири: избр. труды / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: Наука, 2008. С. 421–427.
- Арбачакова Л. Н. Переходные пространства и объекты природы в шорском эпосе // Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 104–114.
- Бурнаков В. А. Образ кукушки в мифопоэтической традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 305–309.
- Бурнаков В. А. Журавль в мифологических воззрениях хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 87–89.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1999. 237 с.
- Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1869. 159 с. (Переизд.: Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 496 с.)
- Дыренкова Н. П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн. 4. С. 119–126.
- Есипова А. В., Арбачакова Л. Н. Возрожденные слова (по материалам героических сказаний) // Вестник РГГУ. 2009. № 6. С. 86–104.
- Иванова-Казас О. М. Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб.: Нестор-История, 2006. 172 с.
- Король Г. Г. Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. VIII. С. 47–63.
- Косточаков Г. В. Этимология шорского этнонима *Шор* // Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. Новосибирск, 1998. 196 с.
- Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шор-казақ пазоқ қазақ-шор ўргедиг сөстүк: Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1993. 146 с.
- Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 709 с.
- Мүйтүеева И. Н. Образ птиц в традиционной культуре алтайцев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 1–2. С. 29–34.
- Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34)

- Потапов Л. П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (Обычай дарения убитого лебедя у хакасов) // Советская этнография. 1959. № 2. С. 18–31.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. 364 с.
- Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Сост., подгот. текстов и пер. Л. Н. Арбачаковой. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 318 с.
- Стеблова И. В. Очерки турецкой мифологии. М., 2002. 102 с.
- Токмашов Б. И. Каан Оолак. Богатырское сказание на шорском языке с переводом на русский язык. Новокузнецк: Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2009. 149 с.
- Фольклор шорцев / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29)
- Функ Д. А. Заметки на полях шорско-русского словаря / Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. Вып. 9. М., 1999. 165 с.
- Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М., 2005. 398 с.
- Черемисин Д. В. К изучению ирано-тюркских связей в сфере мифологии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Новосибирск, 1995. Т. 1. С. 342–345.
- Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1995. 221 с.
- Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак / Сост., переводчик Л. Н. Арбачакова. М.: Институт перевода Библии, 2014. 280 с.
- Шорский героический эпос / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на рус. яз., прил., примеч. И comment. Д. А. Функа. Т. 3: Сыбазын-Олак. Выспоренная Алтын-Торгу. Кара-Хан. Кемерово: ООО «Примула», 2012. 280 с.
- Шорский фольклор / Зап., перев., вступ. ст., примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
- OTWF – Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. 1–2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1991. 873 p.
- VEWT – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Bd. 1. Hels., 1969. 533 p. (Suomalais-Ugrilainen Seura)

References

- Alekseev N. A. *Rannie formy religii turkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 318 p. (In Russian)
- Alekseev N. A. Struktura yakutskikh mifov i ikh vzaimodeystvie s drugimi zhanrami fol'klora [The structure of Yakut myths and their interaction with other genres of folklore]. In *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri: izbr. trudy* [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia: selected works]. E. N. Kuzmina (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2008, pp. 421–427. (In Russian)
- Arbachakova L. N. Perekhodnye prostranstva i ob'ekty prirody v shorskem epose [Transitional spaces and natural objects in the Shor epic]. In *Zerkala kul'tur: Pamyati A. M. Sagalaeva* [Mirrors of cultures: In memory of A. M. Sagalaev]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2019, pp. 104–114. (In Russian)
- Burnakov V. A. Obraz kukushki v mifopoeticheskoy traditsii khakasov [The image of the cuckoo in the mythopoetic tradition of the Khakass people]. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2008, vol. XIV, pp. 305–309. (In Russian)
- Burnakov V. A. Zhuravl' v miphologicheskikh vozzreniakh khakasov [The crane in Khakass mythological beliefs]. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2012, no. 2, pp. 87–89. (In Russian)
- Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan, Khakass book publishing house, 1999, 237 p. (In Russian and Khakass)
- Butanaev V. Ya. *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov: Posobie dlya uchiteley* [Traditional culture and life of the Khakass people: A manual for teachers]. Abakan, Khakass book publishing house, 1996, 224 p. (In Russian)

Cheremisin D. V. K izucheniyu irano-tyurkskikh svyazey v sfere mifologii [On the study of Iranian-Turkic relations in the sphere of mythology]. In *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur: Tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf.* [Aborigines of Siberia: problems of studying disappearing languages and cultures: Abstracts of the International sci. conf.]. Novosibirsk, 1995, vol. 1, pp. 342–345. (In Russian)

Chudoyakov A. I. *Etudy shorskogo eposa* [Etudes of the Shor epic]. Kemerovo, Kemerovo Book Publishing House, 1995, 221 p. (In Russian)

Dyrenkova N. P. Ptitsa v kosmogonicheskikh predstavleniyakh turetskikh plemen Sibiri [Bird in the cosmogonic representations of the Turkish tribes of Siberia]. In *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and writing of the East]. Baku, 1929, bk. 4, pp. 119–126. (In Russian)

Erdal M. *Old Turkic word formation: a functional approach to the lexicon*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1991, vols. 1–2, 873 p.

Esipova A. V., Arbachakova L. N. Vozrozhdennye slova (po materialam geroicheskikh skazaniy) [Revitalized words (on the background of the Shor heroic epos)]. *RSUH Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2009, no. 6, pp. 86–104. (In Russian)

Fol'klor shortsev [Folklore of the Shor people]. L. N. Arbachakova (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2010, 608 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East], Vol. 29). (In Russian and Shor)

Funk D. A. *Miry shamanov i skaziteley: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [Worlds of shamans and storytellers: a comprehensive study of Teleut and Shor materials]. Moscow, 2005, 398 p.

Funk D. A. Zametki na polyakh shorsko-russkogo slovarya [Notes on the margins of the Shor-Russian dictionary]. In *Narody Rossiyskogo Severa i Sibiri. Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Peoples of the Russian North and Siberia. Siberian ethnographic collection]. Moscow, 1999, iss. 9, 165 p. (In Russian)

Ivanova-Kazas O. M. Ptitsy v mifologii, fol'klore i iskusstve [Birds in mythology, folklore, and art]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2006, 172 p. (In Russian)

Korol' G. G. Motivy letyashchey ptitsy i krylatoy bogini v srednevekovoy torevtike i traditsionnoe nasledie narodov Sayano-Altaya [Motifs of a flying bird and a winged goddess in medieval toreutics and the traditional heritage of the peoples of Sayan-Altai]. In *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnay Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospective* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul, Altai University Publishing House, 2015, iss. VIII, pp. 47–63. (In Russian)

Kostochakov G. V. Etimologija shorskogo etnonima Shor [Etymology of the Shor ethnonym Shor]. In *Shorskaya filologiya i sravnitel'no-sopostavitel'nye issledovaniya* [Shor philology and comparative studies]. Novosibirsk, 1998, 196 p. (In Russian)

Kurpeshko-Tannagashova N. N., Apon'kin F. Ya. Shor-kazak pazok қазақ-shor ўргедиг söstuk: Shorsko-russkiy i russko-shorskiy slovar' [Shor-Kazakh pazok Kazakh-Shor dictionary: Shor-Russian and Russian-Shor dictionary]. Kemerovo, Kemerovo kn. izd., 1993, 146 p. (In Russian and Shor)

Mifologicheskiy slovar' [Mythological dictionary]. E. M. Meletinsky (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 709 p. (In Russian)

Muytueva I. N. Obraz ptits v traditsionnoy kul'ture altaytsev [The image of birds in the traditional culture of the Altai people]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition]. 2018, no. 1–2, pp. 29–35. (In Russian)

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytales prose of the Khakass people]. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 pp. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East], Vol. 34). (In Russian and Khakass)

Potapov L. P. Iz istorii rannikh form sem'i i religioznykh predstavleniy (Obychay dareniya ubitogo lebedya u khakasov) [From the history of early forms of family and religious ideas (The custom of giving a killed swan among the Khakass)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1959, no. 2, pp. 18–31. (In Russian)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. St. Petersburg, 1996, 364 p. (In Russian)

Steblova I. V. *Ocherki turetskoy mifologii [Essays on Turkish mythology]*. Moscow, 2002, 102 p.
(In Russian)

Shorskie geroicheskie skazaniya: Kara Kan, Kara Sabak [Shor heroic tales: Kara Kan, Kara Sabak]. Comp., transl. L. N. Arbachakova (Comp., transl.). Moscow, Institute of Bible Translation, 2014, 280 p.
(In Russian and Shor)

Shorskij fol'klor [Shor folklore]. N. P. Dyrenkova (Record., transl., introd., notes). Moscow, Leningrad, AS USSR, 1940, 448 p. (In Russian and Shor)

Shorskij geroicheskiy epos [Shor heroic epic]. D. A. Funk (Comp., prep. for publ., art., transl. into Russian, appendix, notes, and comment.). Kara-Khan. Kemerovo, Primula, 2012, vol. 3: Sybazyn-Olak. Vysporennaya Altyn-Torgu [Sybazyn-Olak. Altyn-Torgu the Wise. Kara-Khan], 280 p. (In Russian and Shor)

Skazaniya shorskogo kaychi V. E. Tannagashova [Tales of the Shor Kaichi V. E. Tannagashov]. E. N. Kuzmina (Ed.), L. N. Arbachakova (Comp., text preparation and transl.). Novosibirsk, Editorial and Publishing Center of NSU, 2015, 318 p.

Tokmashov B. I. *Kaan Oolaq. Bogatyrskoe skazanie na shorskem yazyke s perevodom na russkiy yazyk [Kaan Oolak. A heroic tale in the Shor language with translation into Russian]*. Novokuznetsk, Novokuznetskiy poligrafkombinat, 2009, 149 p. (In Russian)

Verbitskiy V. I. *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]*. Kazan', 1869, 159 p. (2nd ed. Gorno-Altaysk, Chechek, 2005, 496 p.) (In Russian, In Altai)

Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki, 1969, vol. 1, 533 p. (Suomalais-Ugrilainen Seura)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
28.04.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Любовь Никитовна Арбачакова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Lyubov' N. Arbachakova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

anzass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9570-6505>